

ЧЕХАРДА

В промежуткѣ между заключеніемъ франко - совѣтскаго пакта и его ратификаціей были моменты, когда Сталин начиналъ «сердиться» на Францію за недостаточно быстрое проникновеніе французскаго парламента и его правительства энтузіазмомъ къ этому пакту. В один из такихъ моментовъ политбюро продиктовало Литвинову «интервью», в которомъ наркомъ брюзгливо ворчалъ на своего новаго партнера, выражая сомнѣніе в цѣлесообразности для СССР пакта с такой страной, в которой, собственно, не существуетъ никакой устойчивой политики, потому что тамъ нѣтъ, мол, стабильнаго правительства. Министры во Франціи уходятъ и приходятъ: прямо чехарда какая-то. То ли дѣло «у насъ»: власть крѣпкая, политика единая, ея проводники остаются годами и десятилѣтіями на своихъ мѣстахъ. Если нуженъ образецъ стабильности власти, то его можно найти только в странѣ диктатуры пролетаріата.

Какъ это всегда бываетъ с полемическими заявленіями, и в заявленіи Литвинова содержалось, наряду с крупными правдами, много запальчиваго преувеличенія. Правда заключалась в томъ, что в теченіе долгаго времени большевистскіе правители прочно сидѣли в своихъ креслахъ. Установилась почти что несмѣняемость руководителей, какъ в совѣтскомъ, такъ и в партійномъ аппаратахъ. Наркомы оставались на своихъ постахъ чуть ли не по десяти лѣтъ и даже дольше. Такъ, Чичерин стоялъ 12 лѣтъ во главѣ наркоминдѣла, Красинъ и Дзержинскій по 9 лѣтъ управляли внѣшней торговлей и полиціей, Троцкій и Рыковъ с Кржижановскимъ командовали по 7 лѣтъ арміей и хозяйствомъ, Луначарскій и Семашко опекали физическое и морально - культурное здравіе совѣтскихъ граждан по 10 - 12 лѣтъ, а юстиція фактически находилась в рукахъ Крыленко почти два десятилѣтія! Только в двухъ - трехъ наркоматахъ наблюдались колебанія: главнымъ образомъ в наркоматѣ путей сообщенія, отчасти в наркомфинѣ. Особенно в первомъ из нихъ попадались незадачливые наркомы, и дѣло доходило до такихъ «перебросокъ», которыя смахи-

вали уже на чехарду. Но общей картины благополучія по части «стабильности» эти отклоненія не портили.

Не менѣе, если еще не болѣе устойчива была разстановка командных сил и партіи. Если присмотрѣться к составу центральных комитетов ВКП, начиная с «Октября», то можно установить опредѣленную закономѣрность их образованія, идущую в направленіи почти абсолютной устойчивости в теченіе десяти лѣт. Были колебанія почвы, вызванныя драматическими потрясеніями, вродѣ Брестскаго мира или знаменитой «профсоюзной дискуссіи» с ея бунтарями из «рабочей оппозиціи». Так, на 7-м партійном с'ѣздѣ в «бурные» дни Бреста (6-8 марта 1918 года) Ленин выбросил из ЦК почти половину его членов, а на 10-м с'ѣздѣ, в мартѣ 1921 года, пострадала треть членов ЦК, приверженцев «рабочей оппозиціи». Но послѣ этого настали тишь да гладь, и в теченіе нѣскольких лѣт мы видим в ЦК все тѣх же «ветеранов» - командиров, пополняемых новыми членами, по мѣрѣ роста партіи, но остающихся, в своем костякѣ, в неизмѣнном составѣ. Достаточно сказать, что штаб партіи, в лицѣ Троцкаго, Рыкова, Бухарина, Зиновьева, Каменева, Томскаго, не говоря уже о Сталинѣ, фигурируют в 9-ти ЦК, выбиравшихся с 1917 года до 15-го партійнаго с'ѣзда в декабрѣ 1927 года, по 8-9 раз. Правда, под этим выѣшним благополучіем не переставали бурлить партійныя интриги. Состав ЦК непрерывно разбухал, и командное ядро партіи обволакивалось «периферійной» шелухой, которую борющіеся между собою діадохи приносили на партійные с'ѣзды, как нѣкогда приводили кліентов в суд римскіе патриціи. С 15-го с'ѣзда, в декабрѣ 1927 года, подпочвенные ядовитые пары вырвались и наружу, и из выбраннаго этим с'ѣздом ЦК были удалены такіе многолѣтніе командиры, как Троцкій, Зиновьев, Каменев, Раковский, Пятаков. Однако, большая часть «ядра» еще оставалась, и на поверхности еще царила «стабильность». Во всяком случаѣ, когда Литвинов давал свое «интервью», в 1934 году, в его словах была еще правда, если не вся правда.

Но была и опредѣленная ложь. Она таилась в существѣ горделиваго утвержденія, будто бы несмѣваемость представителей власти, во-первых, является атрибутом именно совѣтской власти, во-вторых, что она якобы свидѣтельствует об устойчивости самой власти. Секрет «стабильности» правительства диктатур заключается в том, что там своя, дикаторіальная, рука - владыка,

в СССР так же, как в Германии Гитлера. Вѣдь и там, за пять слишком лѣтъ остались на своихъ руководящихъ постахъ и Герингъ съ Геббельсомъ, и Фрикъ съ Франкомъ, и Зельдте съ Крозигомъ, и мин. нар. просв. Русс, и обер-охранникъ Гиммлеръ, а до самаго недавняго времени командовали хозяйствомъ, арміею и внѣшней политикою, в течение пяти лѣтъ, Шахтъ, Бломбергъ и Нейратъ. И в партиі, если не считать непріятнаго «эпизода» с Ремомъ и товарищами, царитъ «монолитность». Поэтому большая передержка в первомъ утвержденіи о монопольномъ характерѣ совѣтской «стабильности».

Но еще болѣе фантастично второе утвержденіе о мнимомъ тождествѣ несмѣняемости министровъ и даже сановниковъ партійнаго руководства с устойчивостью власти. Не надо приводить примѣровъ, чтобы убѣдиться, что внутренняя устойчивость строя и его политическаго лица несравненно больше в демократическихъ странахъ, хотя бы в той же Франціи, не говоря уже об Англіи, гдѣ смѣняются министры и партійные лидеры, но остается прочной основа власти — свободная воля народа, чѣмъ в странахъ диктатуры, гдѣ полное «безмолвіе» народа является в одно и то же время и признакомъ неустойчивости, и ея внѣшнимъ выраженіемъ. При демократическомъ строѣ народъ можетъ — и считаетъ нужнымъ — смѣнять представителей власти, не только не подкапывая этимъ устойство власти, но тѣмъ укрѣпляя верховный суверенитетъ народа. Между тѣмъ в странахъ диктатуры, гдѣ вся «стабильность» виситъ на ниточкѣ несмѣняемости лицъ, достаточно бываетъ рѣзкаго удара по этой мнимой стабильности, чтобы началась настоящая чехарда, сотрясающая весь государственный организмъ и сразу обнаруживающая его неустойчивость.

Это и случилось в СССР какъ разъ вскорѣ послѣ самодовольнаго интервью Литвинова. Была в течение 15-ти лѣтъ «стабильность», — и «вдругъ» началась чехарда. Да не простая, при которой министры увольняются «с мундиромъ и пенсіей», а чехарда стихійная, сопровождаемая кровопролитіемъ.

Политическій зародышъ этой, безпримѣрной, кажется, в исторіи, кровавой чехарды явственно обозначился уже на послѣднемъ — 17-мъ с'ѣздѣ партіи, в январѣ - февралѣ 1934 г. В ЦКъ партіи, избранномъ на этомъ с'ѣздѣ, почти половина членовъ — 64 изъ 139 — были новыми людьми, которыхъ никто не зналъ еще нѣсколько лѣтъ назадъ, когда, на 15-мъ с'ѣздѣ, Сталинъ, с помощью «правой» оппозиціи, выкинулъ «лѣваковъ» Троцкаго. Зато в немъ исчезли 46 членовъ

ЦК прежних составов. Такая перетасовка — перемѣщеніе террора «слѣва гвардіи» — не предвѣщала ничего хорошаго. Из «ленинской гвардіи» в новом ЦК осталось, не считая Сталина, каких-нибудь пять человекъ: Бухарин, Рыков, Осинскій, Пятаков, Томскій, да и тѣ, кромѣ Пятакова, были уже тѣнями, низведенными на роли безголосых кандидатов. Появились густой массой «аппаратчики» Сталина, набранные частью из секретарей обкомов и крайкомов, частью из вчера еще безвѣстных — сталинских наркомов. Однако, 17-й с'ѣзд был еще относительно мирным періодом «вростанія» эволюціонных тенденцій старых соратников Ленина, готовивших «великія реформы» новаго колхознаго устава, реставраціи культуры (школа и литература), постепеннаго отхода от рецидивов военнаго коммунизма первой пятилѣтки (отмѣна карточек, упраздненіе политотдѣлов в колхозах) и, наконец, новой конституціи. Вскорѣ Сталин почувал, что «вростаніе» эволюціи грозит его самодержавію «обростаніем» новыми институтами и порядками, которые могут отнять у него его собственную «стабильность». Он разглядѣл «маневр врага». Тогда и началась вакханалія кровавой чехарды, которая не закончена до сих пор «в деталях», но в основных чертах уже поддается подытоживанію. Пока мы еще не располагаем данными для установленія точной даты, когда именно было принято диктатором рѣшеніе покончить разом с «врагами»: эти данныя еще зарыты в нѣдрах сталинскаго секретариата. Болѣе или менѣе условная демаркаціонная черта между старой «стабильностью» и кавказской рубкой чудеснаго грузина проходит на рубежѣ 1934 и 1935 г. г., отмѣченная убійством Кирова и послѣдовавшей за этим первой вспышкой террора в партіи. Но это были еще зарницы, хотя и густо окрашенные в красный цвѣт. Настоящій кровавый пожар начался с середины 1936 г., послѣ заключенія (в мартѣ) из партіи Рыкова и Бухарина, с воцареніем в Кремлѣ Ежова.

Цифры в данном случаѣ краснорѣчивѣе говорят, чѣм самыя яркія слова. Начнем с партійнаго штаба.

ЦК партіи, выбранный послѣдним партійным с'ѣздом 4½ года назад, состоял из 71 члена и 68 кандидатов. Из 71 члена на сегодняшній день «ликвидировано» так или иначе 28. Из них: 9 человекъ разстрѣляно (Евдокимов, Енукидзе, Иванов, Икрамов, Зеленскій, Пятаков, Чернов, Ягода, Якир); один — Гамарник «покончил самоубійством»; 10 объявлено официально «врагами» и

«шпіонами» и ждут своего часа, если уж не дождались его в подвалах Ежова (Антипов, Бубнов, Варейкис, Лобов, Любимов, Разумов, Рудзутак, Румянцев, Сулимов, Яковлев); 5 «пропали без вѣсти» в самое послѣднее время (Межлаук, Петровскій, Чубарь, Коссиор, Эйхе); 3 находятся в опалѣ, и судьба их неизвѣстна (Постышев, Балицкій, Рухимович). Из 68 кандидатов ЦК 6 человек разстрѣляно (Бухарин, Рыков, Тухачевскій, Розенгольц, Уборевич, Гринько); двое — «самоубійц» (Любченко и Томскій); трое — «шпіонов» (Сокольников, Осинскій, Голодѣд); семеро пропали без вѣсти, как опальные (Элиава, Пахомов, Уншлихт, Егоров, Серебровскій, Калманович, Каминскій). Итого 18. Если сложить головы членов и кандидатов, то получим ровно треть ЦК, утратившую «стабильность», а большинство — и жизнь.

Отмѣтим попутно два не лишенных политическаго значенія обстоятельства. Первое. *Сталин обезглавил третью* выбраннаго партійным с'ѣздом «*верховнаго органа*» партіи, но *продолжает управлять от имени этого органа*, не имѣющаго, явно, никакого законнаго «кворума», причем не счел нужным до сих пор созвать партійных «хозяев», чтобы доложить им о произведенной экзекуціи, не говоря уже о том, что он не испросил предварительно разрѣшенія партіи на лишеніе ея избранников «иммунитета» и голов. Второе. Мы уже отмѣчали, что в ЦК на послѣднем с'ѣздѣ Сталин назначил 64 новых члена, почти сплошь «сталинцев» чистой воды. Так вот из этих его собственных ставленников 16, — четверть — находится в числѣ ликвидированных, причем 11 разстрѣляно и 5 ушли так или иначе в небытіе.

В своем пароксизмѣ истребленія Сталин не остановился и перед тѣм, чтобы поколебать «стабильность» самаго высшаго органа управления, который считался долгое время выше всяких земных покушеній — политбюро. Из 10 членов и 5-ти кандидатов политбюро, выбраннаго ЦК партіи послѣ 17-го с'ѣзда, он устранил, в порядкѣ «вывода», двоих — Рудзутака и Постышева, а четверо пропали без вѣсти (Петровскій, Эйхе, Коссиор и Чубарь). Часть из них замѣнена новыми, ставшими почти всеильными: Ежовым, Ждановым и Хрущевым. Точно также «самоубитаго» члена оргбюро, Гамарника, замѣстил выдвиженец Сталина, его бывший секретарь, Мехлис. И тут перетасовка пришла на смѣну хваленной стабильности.

Если Сталин так не стѣсняется с собственными кадрами, то

расправа со старой партійной гвардіей, преимущественно ленинской, достигла предѣла полного истребленія. Вот краткій итог, показывающій и брѣнность большевистской «устойчивости» власти, и безоглядность Сталина в борьбѣ с тѣми, кто стоит на его пути к самодержавію. *Первый легальный ЦК*, избранный, накануне октябрьской революціи, на 6-м с'ѣздѣ партіи, *состоял из 22-х человек*. Только шестеро умерло естественной смертью. *Восемь человек разстрѣляно Сталиным*, в том числѣ первые сподвижники Ленина: Рыков (был в составѣ пяти членов самаго перваго ЦК большевиков, избраннаго на Лондонском с'ѣздѣ в 1905 г.), Зиновьев, Каменев, Бухарин. Четверо (Троцкій, Сокольников, Бубнов, Милутин) внесены в список врагов. Трое других сошли с арены. Остался на полѣ битвы один человек. Этого человека зовут: Сталин.

Из 57 членов послѣдняго ЦК, избраннаго при жизни Ленина, на 12-м с'ѣздѣ партіи (март - апрѣль 1923 г.), *разстрѣляно — 13, ждут разстрѣла, если уже не покончено без суда — 9, осуждены, как шпіоны — 3*. Итого 25 из 57 послѣдних «ленинцев» — почти половина, насильственно покинули золотыя кресла «устойчиваго» большевистскаго Олимпа. Остались же у власти в ЦК только 10 человек (остальные или умерли, или ушли из политической игры в безвѣстность), в том числѣ, разумѣется, на первом мѣстѣ, Сталин. Всего же из ленинских наборов ЦК Сталин уничтожил физически — разстрѣлом по суду, или политически — занесеніем в проскрипціонный список «врагов» и «шпіонов», судьба которых неизвѣстна или темна, около 40 человек: больше трети. Но на этом не останавливается поход против партійной «стабильности». Надо сказать, что долгое время она была, дѣйствительно, такова, что приближала партійный штаб к понятію касты. В самом дѣлѣ, за 20 лѣт существованія коммунистической партіи, как легальной и монополюной, во всѣх 12-ти центральных комитетах власть находилась в руках каких - нибудь трех сотен лиц. Из них около 20-ти умерло естественной смертью. Из оставшихся 280-ти Сталин отправил на тот свѣтъ 40 человек — 15%, а еще 30 отнес к разряду все тѣх же врагов и шпіонов. Итого четвертая часть насильственно вырванных из рядов несмѣняемых блюстителей партійнаго престола.

До сих пор и казенный совѣтскій стиль, и газетный жаргон сохраняют терминологию двоичности власти: «партія и правительство». Здѣсь имѣется умышленное смѣшеніе маленькой правды с

большой ложью, так как большинство членов «правительства» являются в действительности лишь техническими секретарями при партийном генеральном штабѣ — политбюро. Вот тут — то советским диктаторам и сохранить бы хоть один из образцов управления стран без «стабильнаго» правительства. В странах парламентарных давно вѣдь установилось правило: министры уходят — статс-секретари остаются. Мы видѣли, что долгое время это золотое правило в общем соблюдалось в СССР. Налетѣвший в 1936 году шквал кровавой чехарды покончил и со стабильностью «статс-секретарей» — наркомов.

Последній в жизни СССР обыкновенный*) с'ѣзд совѣтов (7), происходившій в январѣ - февралѣ 1935 года, назначил совнарком, в составѣ предсѣдателя, трех замѣстителей и 15-ти наркомов. Они держались благополучно до середины 1936 года. С этого времени и пошла чехарда, которая чѣм дальше, тѣм быстрее завертѣлась, покамест не превратила весь совнарком в какое — то вертящееся колесо. За полтора года, прошедших с момента приступа к верченію колеса до первой сессіи Верховнаго Совѣта СССР, в январѣ этого года, было уволено 15 наркомов и вновь назначено 25. Несоответствіе между обоими числами вытекает, с одной стороны, из произведеннаго в это время почкованія нѣкоторых наркоматов (наркомтяжпром раздѣлен на три наркомата, наркомвоен — на два), с другой стороны, находит свое об'ясненіе в характерѣ чехарды, которая в нѣкоторых наркоматах происходила с повтореніями. Как бы то ни было, *за 1½ года смѣнились почти все наркомы.* Дожили до новаго парламента из 19-ти членов правительства всего... шестеро. Верховный совѣт произвел дальнѣйшую перетасовку, производя восемь новых перемѣщеній (к этому времени число членов совнаркома было увеличено до 29). Едва только члены новаго парламента раз'ѣхались по домам, чехарда возобновилась. В апрѣлѣ было уволено трое из только что выбранных парламентом наркомов. Вторая сессія Верховнаго совѣта, в августѣ, отсѣяла еще двух наркомов. Всего *за два года с небольшим, с іюня 1936 г., когда, вслѣд за политической «ликвидацией», началась правительственная чехарда, было уволено 26 и назначено 39 наркомов СССР и перемѣщено 40 наркомов и замнаркомов в РСФСР.*

---

*) Был создан через 1½ года еще один с'ѣзд, чрезвычайный, только для утвержденія новой конституціи.

А за 3½ года, прошедших со времени назначения совнаркома, стабильность которого Литвинов ставил в примѣр Франціи, выжило из этого совнаркома всего 4 человекъ: Молотов, Ворошилов, Микоян и сам автор гордаго «интервью».

Мы не случайно употребили слово «выжили». Ибо, в отличіе от политически закономѣрной, конституціонно - легальной и не сопряженной с потрясеніями смѣны кабинетов на Западѣ, уход с поста совѣтскаго министра превратился в послѣдніе два года в его «ликвидацию». Эта ликвидация производится нѣсколькими способами, и каждый из них характеризует режим, установившійся в «самой свободной в мірѣ странѣ».

Первый способ нам уже знаком по партійной кровавой чехардѣ. Из 19-ти членов совнаркома 7-го с'ѣзда совѣтовъ пятеро было разстрѣляно: Гринько, Розенгольц, Рыков, Чернов и Ягода. Заодно разстрѣляли и еще одного, который смѣнил, послѣ с'ѣзда, наркома лѣсной промышленности (Лобова) — Иванова. Четверо были об'явлены врагами, и судьба их неизвѣстна, хотя, несомнѣнно, мало завидна: Вейцер, Лобов, Любимов, Рудзутак. Итого почти половина совнаркома подверглась уничтоженію.

Второй способ устраненія членов стабильнаго правительства выдуман сравнительно недавно и является, повидимому, оригинальным изобрѣтеніем Ежова. Это — *исчезновеніе без вѣсти*. Он примѣняется все чаще и чаще и захватывает все большій круг лиц. Излюбленными объектами его воздѣйствія являются помощники Молотова по предсѣдательствованію в совнаркомѣ. По этому способу был из'ят — до об'явленія его «врагом» — одним из первых, зампредсовнаркома Рудзутак, один из заслуженнѣйших сталинцев, бывший когда-то предсѣдателем сталинскаго партійнаго трибунала, ЦКК, потом — наркомпути, член политбюро. Об его отставкѣ не было об'явлено: просто 22 іюля 1937 года был назначен «замом» Молотова Микоян, из чего надо было сдѣлать умозаключеніе, что Рудзутак попал в опалу. В самом дѣлѣ, через полгода он выплыл, как враг и шпион, в показаніях одного из обвиняемых в дѣлѣ Рыкова - Бухарина.

Вслѣд за Рудзутаком «исчез» второй «зам» Молотова, Межлаук. Чехарда, в которую с ним сыграли, очень показательна. В 27 г. он был выбран на партійном с'ѣздѣ в кандидаты в члены ЦК. Через нѣсколько лѣтъ он уже зампредсовнаркома и предсѣдатель госплана. В этих званіях его утверждает с'ѣзд совѣтовъ в фев-

ралъ 1935 г. Через 2 года Междлаук освобождается от этих должностей и назначается наркомом тяжелой промышленности, на мѣсто умершаго Орджоникидзе. Не успѣвъ усѣться, как слѣдует, в новом кабинетѣ, получает другой пост — наркома машинной промышленности (вновь учрежденный). Тут он остается всего 2 мѣсяца, и возвращается, в концѣ октября прошлаго года, на старые посты зампредсовнаркома и предгосплана. И засим — исчезает без вѣсти: на сессіи Верховнаго совѣта, происходящей через 2½ мѣсяца, его имя не упоминается больше, и с тѣх пор о нем не слышно.

Таким же способом оказались ликвидированными, уже послѣ сессіи, два новых «зама» Молотова, только что с почетом выбранные парламентом: Чубарь и Коссиор. Никаких официальных объявлений, и посты их не замѣщены, но они нигдѣ не упоминаются, и на второй сессіи Верховнаго совѣта, происходящей в августѣ, оба не фигурируют ни в правительственной ложѣ, ни на фотографіях в газетах, ни в парламентских отчетах. Ясно: изъять. А почему, куда, кѣм — это остается тайной. Несомнѣнно выплывут гдѣ — нибудь в числѣ врагов и шпионов. Пока что — просто пропали без вѣсти.

Судьбу молотовских замов раздѣлили, по всѣм видимостям, еще двое виднѣйших сановников: почти двадцатилѣтній «президент» украинской республики, Петровский, и видный аппаратчик Сталина, смѣнившій разстрѣляннаго «шпіона» Чернова на посту наркомзема, Эйхе. Первый исчез болѣе или менѣе замѣтно: не избран в президіум Верховнаго совѣта УССР. Эйхе пребывает «в нѣтях» неофициально, но ликвидирован он несомнѣнно.

Способ исчезновенія без вѣсти необычайно характерен для «революціонной законности», которою так принято хвастать в последнее время в Кремлѣ. Увольняют с самых высоких постов, без объявленія о том во всеобщее свѣдѣніе, без опубликованія надлежащим, предусмотрѣнным законом, порядком. Почему — то это практикуется с особой любовью в отношеніи полпредов. Извѣстно, что за один только послѣдній год было «снято» около половины совѣтских послов за-границей: и здѣсь чехарда достигла размѣров «сверхплановых». Однако, об увольненіи полпредов не объявлялось. Появляется постановленіе, положим, о назначеніи полпредом в Германію Мерекалова, а об отозваніи его предшественника, Юренева, не сообщается, и только потом, опять-таки со слов кого-

нибудь из обвиняемых в громком процессѣ, узнают, что Юренев— «шпіон», и, значит, он «из'ят», хотя и не уволен официально. И так же было поступлено в отношеніи к латвійскому полпреду Бродовскому, норвежскому — Якубовичу и цѣлому ряду других: всѣ они замѣщались новыми лицами, без того, чтобы быть официально уволенными. Разсуждая строго легально, слѣдовало бы считать, что в каждой из стран, гдѣ находились эти полпреды, таковых имѣется двое: старый не снят, новый назначен...

Так же поступают иногда и с наркомками. Так, напримѣр, разстрѣянный наркомлѣс Иванов никогда не был уволен. Было объявлено о назначеніи наркомлѣсом Рыжова, а об увольненіи Иванова умолчали. А в это время (30 декабря 1937 г.) не уволенный нарком уже подвергался обработкѣ в ГПУ и еще через два с половиною мѣсяца был разстрѣян. И другой нарком (здрави) Каминскій не был никогда уволен: назначили на его мѣсто Болдырева, а его уволить забыли. А так как он еще не объявлен до сих пор разстрѣянным, то и не извѣстно по сію пору, не получает ли он в одной из камер на Лубянкѣ жалованія по присвоенной должности наркома... И таких случаев насчитывается немало. Один из образцов сталинской чехарды.

Есть и третій фасон: предназначеннаго к ликвидаціи спускают, так сказать, постепенно, со ступеньки на ступеньку іерархической лѣстницы. Здѣсь, очевидно, Сталин проявляет свое искусство азіатскаго деспота: поиграть с опальным сановником, как кошка с мышью, и затѣм — спалать. Попутно достигаются, несомнѣнно, практическія цѣли: видящему себя на пути к черному люку сановнику подставляют скамеечку, чтобы во время «передышки» он мог надѣяться еще выкарабкаться по спинам товарищей. Так поступили с Ягодой, Розенгольцем, Крестинским, Тухачевским и другими генералами. Всесильнаго в теченіе 10 лѣт главу чекистов не сразу ликвидировали, а дали возможность «подумать» на досугѣ в наркомпочтелѣ. Там его продержали 6 мѣсяцев опальным наркомом, а потом уж уволили, объявив публично вором и взяточником, чтобы еще через 11 мѣсяцев открыто назвать шпіоном, отравителем и проч. Розенгольц был уволен с должности наркомвиѣнторга 15 июня 1937 г. В началѣ сентября он получил назначеніе, хотя и с пониженіем: начальником управленія гос. резервов при совнаркомѣ. Увольненія с этого поста не послѣдовало, но через полгода послѣ занятія этого виднаго поста Розенгольц уже был разстрѣ-

лян. Был разстрѣлян и Крестинскій через год послѣ того, как он получил новое назначеніе из замнаркомов по иностранным дѣлам в замнаркомы же юстиціи. Тухачевскому не дали такого длительного срока для упражненія на трамплинѣ до прыжка с высот власти в темную яму ГПУ: 11 мая 1937 года он был смѣщен из замнаркомов в командующіе войсками Приволжскаго округа, чтобы уже через мѣсяц быть разстрѣлянным... Так же было поступлено и с другими его товарищами. В способѣ Сталина пытаться надеждой и страхом неизвѣстности есть, как мы видим, нюансы, приспособленные, очевидно, к психологіи его жертв, к предназначаемой им роли, к надеждам, которыя он сам питает насчет результатов пытки...

Не меньшее политическое показательное значеніе, чѣм способности ликвидаціи, введенные Сталиным, имѣет припадочный характер его кровавой чехарды. Сплошь и рядом самые внимательные наблюдатели совѣтской дѣйствительности не могут не испытывать чувства ошеломленности, узнавая о расправѣ над сановником, который еще вчера был вознесен на вершину власти и сам обнаруживал всѣ признаки потенциального мастера расправы. Мы уже указывали выше, как на разительный примѣръ такой несообразности блестящаго восхожденія и стремительнаго низверженія, как обошелся Сталин с «замами» Молотова. Наканунѣ своего избранія Верховным совѣтом СССР, Чубарь, в качествѣ кратковременнаго преемника Гринько, в одном из докладов о финансах с усердіем прозелита возносил хвалу «твердой сталинской работѣ нашей развѣдки, возглавляемой тов. Бежовым», призывая и впредь к «ликвидациі врагов» и «выкорчеванію корешков предателей». Не прошло и полугода, и Чубарь, по всѣм видимостям, испытывает на себѣ самом прелести «корчевки». Так же разсыпался за короткое время перед своим исчезновеніем Петровскій в благодарностях «славным органам наркомвнудѣла под руководством Ежова» за разоблаченіе врагов. Одновременно с Петровским громил «вредителей» и Коссиор, метал громы и молніи против «врагов» и Эйхе. Всѣ они вызывали своими выступленіями «пумные аплодисменты», «бурные аплодисменты», просто аплодисменты и со стороны членов Верховнаго совѣта, и у невзыскательных слушателей в других аудиторіях «совѣтской общественности», которая не преминет, конечно, аплодировать другим апологетам «славнаго» Ежова, когда они будут рассказывать о подлых дѣяніях этих новояв-

ленных врагов... Примеры тому были, и неоднократно. За год до своего разстрѣла Гринько с такой же легкостью срывал «бурные аплодисменты» на сессии ЦИК-а, в качестве докладчика по бюджету, который через год его преемник назвал «бандитским». Бывшему предсовнаркому Украины, Любченко, с'ѣзд совѣтов даже «устроил овацію» за 3 мѣсяца перед тѣм, как он покончил с собой, «запутавшись в антисовѣтских связях и, очевидно, боясь ответственности перед украинским народом за предательство его интересов», как было сказано в сообщении о его смерти... И также удостоились «овацій» там же два других министра - президента: российский — Сулимов и бѣлорусский — Голодѣд, об'явленные через нѣсколько мѣсяцев шпионами... Трое наркомов: Розенгольц, Любимов и Вейцер прославились на всю казенную печать в день новаго, 1937-го, года своими побѣдными рапортами на имя Сталина о невиданных достижениях по своим вѣдомствам: внѣшторгу, легкой промышленности и внутренней торговли. Чрез год с небольшим первый из них был уже «номером» в подвалах ГПУ, а двое других зачислены в кандидаты клиентов Ежова...

Так поистинѣ преходяща слава наркомская, когда наступает конец «стабильности», и начинается чехарда. Эта чехарда распространилась с быстротою пожара и проявляется с беспощадностью эпидемии. Особенно тяжело эпидемия поразила нѣкоторые, видимо чувствительные сверх мѣры к «духу времени», наркоматы. Так, в наркомпути за 3 года смѣнилось четыре наркома: Андреев, Каганович, Бакулли, снова Каганович (по совмѣстительству с наркомтяжпромом, так же, как одновременно с этим Ежов присоединил к портфелю полиции портфель наркомвода: тоже новое явление — не хватает уже «выдвиженцев» для замѣщенія постов-. Наркомпочтель видѣл в министерском кабинетѣ за 2½ года четырех наркомов: Рыков, Ягода, Халепский, Берман (из ГПУ), наркомсовхозов за этот же срок прощался с тремя наркомами, так же, как и наркомлѣс...

Гдѣ уж тут говорить о «стабильности», когда простой технической приспособленности руководителей к вѣдомству не достигается при такой головокружительной карусели. «Перебрасывают» из одного министерскаго кресла в другое. Нѣкоторые из подвергшихся операци сталинской чехарды наркомы оставались в должностях по 6 мѣсяцев, по 4½, а то всего и по 3. Бывали случаи, когда одного и того же наркома «бросают» из одного нар-

комата в другой, а потом возвращают назад в первый, чтобы снова через короткое время подвергнуть катанію на карусели или окончательно выбросить на свалку «вредительства». Иногда — очень рѣдко — мотивируют кратковременность наркомской карьеры: «не справился с дѣлом». Но обычно не объясняют причин. Чехарда — и чехарда: на то есть высшія государственно - партійныя соображенія.

Судьбу наркомов дѣлят и их замѣстители. Уж эти-то, казалось бы, навѣрное, могут претендовать на стабильность: и фигуры не столь политическія, и необходимость в вѣдомственной преемственности, при частой смѣнѣ руководителей вѣдомств, слишком очевидна. И однако, *за 2 года в 25 наркоматах произошло 130 пережъщений замнаркомов*: в среднем по два раза в год на каждый наркомат. И здѣсь есть особенно «небезудіе» наркоматы. Так, в наркомтяжпромѣ мы насчитали за 2 года 15 назначеній на пост замнаркома, в наркомпути — 11, в наркомвнудѣлѣ — 6, так же, как в наркомпочтелѣ, в наркомвнѣшторгѣ — 5, и т. д., причем мы не ручаемся за полноту этих цифр, — так же, впрочем, как и нѣкоторых приведенных выше, — уже потому, что далеко не всегда чехарда находит отраженіе в совѣтской прессѣ.

Бѣглый очерк Тамерланова похода Сталина на его собственные штабы был бы неполон, если бы мы не отмѣтили, в заключеніе, его расправы с двумя органами, выбранными 7-м с'ѣздом совѣтов: с послѣдним совѣтским ЦИК-ом и с комиссіей по выработкѣ новой конституціи. Из 51 членов и кандидатов в члены ЦИК-а были разстрѣляны четверо (к названным в другой гекатомбѣ именам Енукидзе и Икрамова прибавляются Ходжаев и Рахимбаев); «покончили самоубійством» двое (кромѣ упомянутого выше Любченко, предсѣдатель ЦИК-а Бѣлоруссіи, Червяков): попали в категорію «врагов» и «шпіонов» двое (Голодѣд и Рудзутак); «пропали без вѣсти» пятеро или даже шестеро. Минимум четвертая часть членов бывшаго «сувереннаго» органа была, таким образом, выведена в расход их товарищем по этому органу — Сталиным. В качествѣ же предсѣдателя конституціонной комиссіи Сталин так или иначе прикончил больше половины (16 из 31) членов этой комиссіи. Пять разстрѣлов, два «самоубійства», девять клейм шпіонов и врагов (частью осужденных, частью обреченных официально на правѣж Ульриха или — пока — «исчезнувших»), — такова была награда, выданная крестным отцом конституціи («Сталин-

ская») ея физическим родителям, в частности — неупомянутым нами среди жертв других расправ — Радеку и Крыленко.

Мы не склонны преувеличивать тупость Сталина, как государственного человека, чтобы ею только об'яснить подлинно вредительское разрушение, которое его чехарда производит в государственной машинѣ, а слѣдовательно, и в жизни страны, не говоря уже о подрывѣ авторитета власти, и официально - правительственной, и фактической, — партійной. Его чехарда — кровавая. Она в одно и то же время и политическая болѣзнь, и симптом болѣзни. В этом и заключается отличие мнимой неустойчивости власти в странах демократических, о которой говорил в своем «интервью» Литвинов, от дѣйствительной чехарды, которая началась и продолжается в странѣ сталинского вождизма. Была «стабильность», покаѣт режим медленно и незримо подтачивался изнутри подпольными интригами, борьбою за власть, попытками самообуздания болѣе разумной части диктаторіальной головки и обузданія ею же самодержавія самозванного вождя. Так как народ безмолствует, то члены кучки «стабильных» властителей поѣдали друг друга незамѣтно для посторонняго глаза, как пауки в банкѣ. Разѣдались стѣнки этой банки — партійнаго руководства, и оттого болѣзнь и ея симптомы начали обнаруживаться раньше всего в руководствѣ партіи, гдѣ разгул террора оказался ненасытным и кончился — пока — уничтоженіем всѣх творцов большевизма в его ленинском изданіи. Когда это произошло, локализовать болѣзнь только «партійной линіей» оказалось уже невозможным. Она бросилась и на «совѣтскую линію», поѣдала с быстротой раковой опухоли и клѣтки государственнаго аппарата. Как таковой, он уничтожен: такой чехарды, и притом кровавой, не может безнаказанно претерпѣть и болѣе здоровый режим, чѣм тот, который держится лишь террором и заклятіями. Не надо поэтому быть пророком, чтобы предвидѣть, что сталинская чехарда не остановится на гекатомбах послѣдних двух лѣтъ, а кончится лишь тогда, когда, вмѣстѣ с ея творцом, исчезнет и породившій его режим диктатуры лица или кучки лиц.

Л. Торонецкій